

УДК 343.26

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Сибирский юридический институт МВД России,
г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: pavlushat@mail.ru

СЛАВЯНСКИЙ ИЛИ СОВЕТСКИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ТИП (В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ)?

Для цитирования

Тепляшин, П. В. Славянский или советский пенитенциарный тип (в контексте теории типологизации европейских пенитенциарных систем)? / П. В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 2. – С. 210–216.

Аннотация. Посредством реализации методов классификации и типологизации осуществляется систематизация европейских пенитенциарных систем на десять типов, среди которых выделяется славянская пенитенциарная система. Обосновывается использование такого наименования, как «славянская пенитенциарная система», в основе которого лежит славянская правовая семья. Однако использование данного термина имеет в определенном смысле условный характер, но использование именно данной категории отражает единство подхода к основанию типологизации европейских пенитенциарных систем и позволяет хронометрически охватить до- и постсоветский периоды существования системы исполнения уголовных наказаний, что демонстрирует не формационный, а эволюционный характер ее развития. Тогда как использование термина «советский» приводит не только к идеологическому оттенку функционирования исправительно-трудовой системы соответствующего периода, но и необоснованно занижает значение особенностей развития системы исполнения наказания в досоветский, а также постсоветский периоды. Делается вывод, что выделение среди европейских пенитенциарных систем славянской демонстрирует наличие исторически сложившихся самобытных особенностей ее функционирования.

Ключевые слова: «гибридные» исправительные учреждения, Содружество Независимых Государств, места лишения свободы, модель обращения, осужденный, «пенитенциарная карта», помещения камерного типа, тюрьма.

Анализ состояния и проблем европейской пенитенциарной системы с позиций сравнительного правоведения позволяет говорить о существовании наряду с «правовой картой» Европы ее «пенитенциарной карты», отражающей определенные теоретические и практические подходы к вопросам исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества, в отдельных странах и регионах, что отражает научную логику выде-

ления в правовой доктрине криминального цикла наряду с теориями уголовно-правовой и криминологической систем теорию пенитенциарных систем. Явление правовых систем выступает основой исследования европейских пенитенциарных систем, поэтому использование типологического обобщения и осуществление процесса их классификации формируют системное представление о «европейской пенитенциарной карте». При этом именно метод классификации позволяет обнаружить место каждого элемента пенитенциарной системы в определенной группе при четко очерченной границе между классами. Метод типологизации, имея дело с нечеткими множествами признаков, позволяет систематизировать пенитенциарные системы на типы, сгруппировав их по одному или нескольким теоретически обоснованным и структурированным, связанным с глубинными закономерностями становления и развития пенитенциарных систем критериям: 1) пенитенциарная доктрина и мировоззрение, отражающие правовую культуру общества; 2) пенитенциарная политика, включающая в себя документы программно-стратегического характера (стратегии, концепции, программы и т. п.); 3) система учреждений и органов, исполняющих наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества; 4) соответствующее законодательство; 5) особенности правоприменительной практики, соответствующие средства и методы достижения поставленных перед данной системой целей и задач. Теоретическая типология европейских пенитенциарных систем, показывая идею охвата всего множества признаков пенитенциарной системы, дает возможность выделения следующих их типов: 1) англо-ирландский; 2) восточно-европейский; 3) германский; 4) голландский; 5) иберийский; 6) прибалтийский; 7) скандинавский (североевропейский); 8) славянский; 9) французский; 10) южно-европейский.

Обращая непосредственное внимание на использование такого наименования, как «славянская пенитенциарная система», необходимо отметить следующее. Так, среди многообразия правовых систем (семей) самостоятельное место занимает славянская правовая семья. При этом российская правовая система оказала значительное воздействие на национальные правовые системы многих постсоветских государств. Тесные геополитические, социально-экономические, демографические и культурно-исторические межгосударственные связи России с Белоруссией, Украиной, Молдовой позволяют объединять их в правовую семью «славянского» типа, что, в свою очередь, предопределяет выделение соответствующих правовых систем частного уровня, а именно славянской пенитенциарной системы, которая имеет технико-юридические и культурно-исторические особенности, отражающие более общие свойства правовой системы соответствующих государств: а) социальная организация, предполагающая в качестве основной хозяйственно-социальной ячейки общину, артель, товарищество и др., а не частнособственническое образование (превалирование «отрядно-колониальной» модели размещения осужденных в местах лишения свободы); б) государство является стержнем и фактически создателем гражданского общества, а не его инструментом (традиционно слабые позиции общественного контроля за условиями содержания осужденных); в) такие институты, как «государство», «общество» и «личность», тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, а не автономны и самостоятельны (отсутствие частных тюрем, формирование и существование криминальной субкультуры в местах отбывания уголовных наказаний). Конкретная модель обращения с осужденными в славянской пенитенциарной системе реализуется путем использования совокупности средств исправления, однако исправительному воздействию как самостоятельному публично-правовому институту присущи духовно-идеологические, культурно-цивилизационные и социально-экономические особенности, обусловленные правовой системой, поэтому современное разви-

тие отечественного уголовно-исполнительного права должно отражать юридическую культуру и правосознание граждан, сохранять исторические традиции.

Славянский тип пенитенциарной системы базируется на устойчиво консолидирующей цивилизационно-культурной платформе, элементами которой являются русская культура с определенными чертами общей исторической ментальности, русский язык, Русская православная церковь и русско-украинско-белорусская диаспора. В основе данной культуры находится, как отмечает Т. И. Демченко, понимание особенностей «духовности, православия, соборности, праведного правления, обязательности труда, совести, ответственности. Она дала русскую идею, основанную на специфическом мировоззрении, целостном религиозно-нравственном восприятии духовного и материального мира, характеризующемся единством знания и веры, чутьем правды» [1, с. 126]. Например, относительно России и Украины криминологами указывается, что эти государства «имеют богатую событиями и непростую историю совместного существования. Несмотря на то что в настоящее время Россия и Украина – независимые государства, их связывают тесные экономические, политические, культурно-исторические, демографические отношения» [2, с. 4].

Необходимо также отметить наличие, начиная с аннексирования Российской империей Бессарабии от Османской империи, глубоких социально-исторических, культурных и государственных молдавско-российских связей. При этом обнаруживается значительная типичность и схожесть молдавско-российской пенитенциарной доктрины и мировоззрения, организации функционирования учреждений и органов, исполняющих наказания, законодательства и правоприменительной практики (что не свойственно для других, за исключением Белоруссии и Украины, бывших республик СССР), поэтому особого значения для интеграции молдавской сферы исполнения уголовных наказаний в славянский пенитенциарный тип принадлежность Молдавии к романским народам не имеет. Не случайно В. Н. Синюков указывает, что «славянский правовой тип... не сводится к этнически-славянскому национальному элементу... Самобытность славянской правовой семьи... обусловлена... глубокими социальными, культурными, государственными началами жизни славянских и неславянских народов» [3, с. 215].

С государственно-правовых позиций объединяющим фактором выступает такое уникальное для современного мира международно-правовое образование, как Содружество Независимых Государств (СНГ). Пенитенциарная система славянского типа до сих пор характеризующаяся слабым системным характером взаимодействия на межгосударственном уровне (например, в Белоруссии Департамент исполнения наказания подведомствен МВД, тогда как в России Федеральная служба исполнения наказаний и в Молдавии Департамент пенитенциарных учреждений – Министерству юстиции, Государственная пенитенциарная служба Украины является независимым государственным органом исполнительной власти, подотчетным главе Правительства и лишь координируется Кабинетом министров Украины через министра юстиции), обладает исторически сложившимся и во многом незаменимым механизмом многоаспектного межнационального сотрудничества на постсоветском пространстве, значительным и долгосрочным латентным потенциалом сохранения культурно-правового суверенитета входящих в него пенитенциарных моделей. Совпадение интересов обеспечения совместной безопасности, в том числе за счет единообразных подходов в пенитенциарной практике, объективно обусловлено достигнутым существенным уровнем взаимной экономической, национальной, политической, международно-правовой, военно-стратегической, культурно-правовой интеграции государств – членов СНГ.

Можно резюмировать, что охват славянским типом пенитенциарных систем сферы исполнения уголовных наказаний только четырех указанных государств является авторской гносеологической позицией, которая, безусловно, не претендует на «истину в последней инстанции» и, возможно, заслуживает конструктивной критики, но призвана обратить внимание научной общественности на перспективы исследования уголовно-исполнительной системы России именно в данном методологическом ракурсе. При этом использование термина «славянский» имеет в определенном смысле условный характер. Однако использование именно данной категории отражает единство подхода к основанию типологизации европейских пенитенциарных систем и позволяет хронометрически охватить до- и постсоветский периоды существования системы исполнения уголовных наказаний, что демонстрирует не формационный, а эволюционный характер ее развития. Так, использование термина «советский» приводит не только к идеологическому оттенку функционирования исправительно-трудовой системы соответствующего периода, но и необоснованно занижает значение особенностей развития системы исполнения наказания в досоветский (в частности, активное использование каторжного труда как дешевой рабочей силы [4, с. 5–13], артельный и «вариативный» подходы к размещению осужденных [5, с. 31–34; 6, с. 110–111]), а также постсоветский (в частности, постепенное формирование «гибридных» исправительных учреждений с мультирежимными особенностями, развитие в них «тюремных начал» [7, с. 7–11; 8, с. 9–18], значительное усиление безопасности уголовно-исполнительной системы [9, с. 539–543; 10, с. 30–35]) период, тогда как категория «славянский» позволяет воедино охватить данные периоды, тем самым показывая не временный, а эволюционный характер самобытности становления, формирования и дальнейшего развития указанного типа пенитенциарной системы. Именно такой подход показывает наметившийся вектор развития отечественной системы исполнения уголовных наказаний от советской к пенитенциарной системе нового типа. Безусловно, советская исправительно-трудовая система во многом обладала мобилизационным характером и высокой экономической рентабельностью. Так, Б. З. Маликов справедливо пишет: «Система исправительных учреждений, сформированная в советский период, представляла собой на протяжении ряда десятилетий материальную основу, материализованный фактор и результат исправительно-трудовой политики. Она целые десятилетия составляла градообразующую и индустриальную основу социального функционирования многих населенных пунктов и целых регионов Сибири, Урала, Дальнего Востока, Севера» [11, с. 377]. В свою очередь, О. В. Филимонов указывает, что превалирование исправительных колоний связано с тем, что они «изначально создавались в целях массового привлечения осужденных к коллективному общественно полезному труду» [12, с. 33]. Определенный интерес представляет мнение А. Б. Ретиша, который, исследуя советскую пенитенциарную реформу 1917–1925 гг., приходит к выводу о том, что «русские революционные реформы в тюрьмах отличались от других стран двумя важными моментами. Во-первых, Советское государство первым предоставило каторжной тюрьме его естественного союзника – бессознательный пролетариат, которым необходимо было руководить и трансформировать... Во-вторых, революция и социальные потрясения Гражданской войны подорвали те самые реформы, которые государство поощряло. В то время как реформаторы мечтали о тюремной школе, реабилитированных заключенных, усваивающих социалистические идеалы, отсутствие ресурсов, негодность тюремных помещений, административные споры и социальный кризис превратили многие советские места заключения в полную противоположность того, что из них надеялись сделать – инсти-

туты наказания» [13]. Более того, Л. Пьячентини и Дж. Слейд отмечают, что «социальное и физическое структурирование коллективизма и пенитенциарного самоуправления остаются устойчивыми в постсоветский период... стойкие архитектурные формы и культурная привязанность к коллективизму составляют основу этой устойчивости» [14].

В определенной степени советская исправительно-трудовая система до сих пор сохраняет свою привлекательность, но уже имеет лишь инертное влияние на трансформацию современной сферы исполнения уголовных наказаний. В советский период она была значительно интегрирована в плановую экономику государства. Однако в условиях рыночных отношений уголовно-исполнительная система в большинстве своем уже не является действенным инструментом решения экономических задач государства. Соответственно снижается ценность отрядного способа размещения осужденных, но повышается важность усиления режимных требований к соблюдению осужденными обязанностей и запретов (в частности, за счет расширения практики использования помещений камерного типа, единых помещений камерного типа и т. п.). Это обстоятельство значительным образом воздействует на особенности архитектуры исправительных учреждений, размещения осужденных, правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, дисциплинарную практику, общественное воздействие и воспитательную работу, а также иные сегменты функционирования уголовно-исполнительной системы. Таким образом, термин «славянский» имеет некоторую условность его использования. Однако он указывает не просто на переходный характер пенитенциарной системы, а на ее цивилизованность, самобытность становления, формирования и дальнейшего развития.

Объединяющим фактором славянского типа пенитенциарной системы выступает наличие системообразующих правовых актов, в частности, Модельного уголовного кодекса и Модельного уголовно-исполнительного кодекса. Проводивший исследование теоретико-правовых основ унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России А. А. Захаров отмечает важность унификации путем взаимной интеграции отдельных правовых институтов в уголовно-исполнительные кодексы обоих государств [15, с. 11]. В свою очередь, О. С. Епифанов обоснованно указывает, что «для такой унификации имеются как объективные основания – многолетний опыт работы правоохранительных органов (в том числе учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания) республик СССР, а ныне суверенных государств, входящих в СНГ; наличие в прошлом единой правовой системы, включая почти тождественное уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное (исправительно-трудовое) законодательство; так и субъективные – психологическая совместимость работников правоохранительных органов стран СНГ, в том числе персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, общность их правосознания и правоприменительной деятельности и т. п.» [16, с. 18]. На этом основании можно утверждать, что славянская пенитенциарная система является самостоятельным типом теории и практики воздействия на осужденное лицо, в котором система исполнения наказаний базируется на евразийской концепции, предполагающей органичное сочетание Западного и Восточного векторов развития пенитенциарной практики, складывающейся веками на протяжении всей истории России и тесно связанных с ней стран.

Таким образом, исследование европейских пенитенциарных систем способствует лучшему пониманию отечественных традиций в этой сфере, правового уклада и перспектив развития национального законодательства. Выделение среди европейских пенитенциарных систем славянской, объединяющей системы исполнения уголовных

наказаний России, Белоруссии, Украины и Молдовы, демонстрирует наличие исторически сложившихся самобытных особенностей ее функционирования, позволяет даже в условиях политически ангажированных попыток вывести из славянской правовой семьи Украину и Молдову, определить интегративные особенности данного типа, определяющие вектор его дальнейшего развития. При этом использование термина «славянский», имея в определенном смысле условный характер, отражает единство национально-географического подхода к основанию типологизации европейских пенитенциарных систем и позволяет хронометрически охватить до- и постсоветский периоды существования системы исполнения уголовных наказаний, показывая тем самым не формационный с идеологической подоплекой функционирования, а эволюционный характер ее развития.

Библиографический список

1. Демченко Т. И. Этнический, территориальный и темпоральный аспекты образования славяно-русского народа // *Lex Russica*. 2016. № 2. С. 122–146.
2. Олькова О. А. Криминологический и уголовно-правовой сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский периоды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 24 с.
3. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010. 672 с.
4. Дорофеев Н. К., Дорофеев И. Н. Историческая эволюция использования труда осужденных в пенитенциарных учреждениях царской России // *Историко-экономические исследования*. 2009. Т. 10. № 1. С. 5–13.
5. Новиков Е. Е. Проблемы становления и развития регулирования размещения осужденных в местах лишения свободы в период формирования и реформирования пенитенциарной системы царской России // *Уголовно-исполнительное право*. 2010. № 1. С. 31–34.
6. Смирнов Л. Б. Особенности и проблемы развития пенитенциарной модели России // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2016. № 2(31). С. 110–115.
7. Уткин В. А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // *Уголовно-исполнительное право*. 2014. № 2. С. 7–11.
8. Уткин В. А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // *Вестник Кузбасского института*. 2014. № 4(21). С. 9–18.
9. Щербаков А. В. Безопасность уголовно-исполнительной системы: основные понятия и сущность // *Человек: преступление и наказание*. 2017. Т. 25. № 4. С. 539–543.
10. Усеев Р. З. Перспективы развития системы гибридных исправительных учреждений в аспекте обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2017. № 4(179). С. 30–35.
11. Маликов Б. З. Становление уголовно-исполнительной политики в дореволюционной и советской России // *Уголовно-исполнительное право*. 2017. Т. 12(1–4). № 4. С. 374–379.
12. Филимонов О. В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // *Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития* : сб. материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Владимовича Филимонова (Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю. И. Калинина ; под науч. ред. В. И. Селиверстова и В. А. Уткина. М., 2014. С. 19–35.
13. Retish A. V. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia. *Historical Research*, vol. 90, iss. 247, pp. 134–150.

14. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia. *Theoretical Criminology*, 2015, vol. 19 (2), pp. 179–197.

15. Захаров А. А. Теоретико-правовые основы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России : автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2002. 24 с.

16. Епифанов О. С. Понятие и некоторые проблемы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств – участников СНГ // *Уголовно-исполнительное право*. 2007. № 4. С. 17–19.